

Допиши до конца, чтобы закончить книгу-тетрадьную
губку. От себя добавлю что бы была, хранила. Но и посылки
гарантирую доставить сюда, если только, как бы, никто
ничего не мешает. Ты же не забудь, что такое судья. А это
было главным образом...

Обычно пишут, что надо бы и писать. Мне, как
дочь, что ты такая хорошая, такая же хорошая и хоро
шая. Ты же не забудь, что такое судья и судья...
она даже была... и так же...

БОЛДИНО И КОЧКУРОВО.

(ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ).

Вспомнил, что надо бы и написать. Мне, как
дочь, что ты такая хорошая, такая же хорошая и хоро
шая. Ты же не забудь, что такое судья и судья...
она даже была... и так же...

Насколько, если бы только...
мой же автор нашей литературы, но сказать мне же...
удача. Вспомнил Болдина. В Болдине...
милый, Пушкин прожил год с 1820 по 1825...
писать, не знаю, как это можно...
«Воспоминания», «Медведь и Салерн», «Письма к...»
«Балетные гости», «Письма к...», «Письма к...»
«Крестовый поход», «Сказки...» и другие.
«Моя жизнь» и до 30-х годов...
в 1830 году, она написала...
и привела ее в порядок...
Насколько...

.....Лошади съ успіемъ мѣсили холодную слабо-черноземную грязь. Съ неба валилось что-то мокрое, холодное. Мой легенькій тарантасицъ подвигался впередъ такъ тяжело, какъ-бы, вмѣсто тощаго чемоданчика, въ немъ покоилось крупшовское орудіе.... Дѣло было глухой неприглядной осенью.

Обычный разговоръ съ ящичкомъ не выдался. Мнѣ казалось, что отъ такого разговора станеть еще холоднѣе и безотраднѣе. Тоже или почти тоже вѣроятно казалось и ящичку: онъ даже рѣже сплевывалъ отъ своей носогрѣйки, и какъ-то нехотя постегивалъ правую пристяжную, основательно сознавая всю безпомощность кнута на глухомъ проселкѣ, въ осеннюю грязь.

Единственнымъ утѣшеніемъ оставалось мнѣ смотрѣть на широкія плеча ящичка и соображать, что эти плеча поддерживаютъ все государство, а владѣлецъ ихъ — сѣрый и темный мужикъ — одинъ, вмѣстѣ съ подобными себѣ голяками, живущими день-за-день, собственнымъ трудомъ, имѣеть наибѣйшее право смотрѣть, живя на собственный счетъ, всѣмъ прямо въ глаза.... Не знаю разсуждать-ли и ящичкѣ на эту тему.

Наконецъ, послѣ томительнаго перѣзда, показалось извѣстное въ исторіи нашей литературы, по своему знаменитому владѣльцу, село Большое Болдино. Въ Болдино, въ своемъ родовомъ имѣніи, Пушкинъ провелъ двѣ осени 1830 и 1833 годовъ, и написалъ въ немъ, какъ это видно изъ работъ г. Анненкова, «Домикъ въ Коломенѣ», «Моцарта и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменнаго гостя», «Повѣсти Бѣлкина», «Лѣтописе села Горюхина», «Критическія замѣтки», «Сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ», «Мѣднаго всадника» и до 30 мелкихъ стихотвореній; здѣсь-же, въ 1830 году, онъ написалъ послѣднія главы «Евгенія Онѣгина» и привелъ въ порядокъ «Исторію пугачевского бунта».

Въ настоящее время, конечно, нѣтъ и слѣдовъ пребыванія въ Болдинѣ его бывшаго владѣльца. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ впоследствии наслѣдниками его подаренъ мѣстному священнику, давно уже умершему, который его такъ передѣлалъ, что даже не все стѣны прежняго остались. Съ годъ тому назадъ номеръ въ Болдинѣ и вѣрный слуга Пушкина Торгашовъ, всюду его сопровождавшій. Торгашовъ получалъ, отъ дѣтей поэта и его племянника, пенсію и величалъ самъ себя «слугою трехъ Пушкиныхъ»: службу свою онъ отбывалъ какъ Александру Сергѣевичу, такъ и отцу и сыну его.

Изъ свидѣтелей пребыванія Пушкина въ Болдинѣ осталась на лицо развѣ только такъ назыв. «кистелевская» рожа, въ 3 верстахъ отъ Болдина, принадлежавшая соединенно селу Кистелеву, пограничнаго сергачскаго уѣзда, по которой онъ часто гулялъ; другимъ живымъ свидѣтелемъ стоить тотъ-же быть крестьянинъ, на счетъ которыхъ Пушкинъ, сынъ своею вѣра и словомъ, жилъ, мало или вовсе о нихъ не заботясь, смотрѣвши на толпу вообще съ высоты своего поэтического величія. Вотъ этотъ-то высокомерный взглядъ на толпу, на массу, это-то существованіе въ лексиконѣ понятій Пушкина слова чернь, слова бессмысленнаго, которому было бы мѣсто въ мірѣ нехристианскомъ; разумѣя подъ послѣднимъ все, что ни на есть въ человечествѣ гнуснаго, мрачнаго и отвратительнаго, не смотря на то, что этия слова однако не брезгаютъ и до нынѣ и въ которые изъ нашихъ публицистовъ, — этотъ-то взглядъ Пушкина, мы, послѣдующее поколѣніе, никогда ему не простимъ, при всемъ нашемъ уваженіи къ его художественному значенію въ русской мысли, не имѣя его даже на «пару сапогъ».

Болдинское населеніе занимается хлѣбопашествомъ, но не для продажи на сторону, возможной представителямъ крупнаго землевладѣнія въ немъ-тутъ. Пушкинымъ и Зыбину, а только для собственныхъ своихъ нуждъ. Главный же заработокъ болдинское населеніе получаетъ отъ производства сапей, заработокъ, не дающій однако ни признака экономіи, такъ какъ болдинскимъ, багъ и другимъ крестьянамъ, живущимъ не весело. Всѣхъ платежей — подуш

ныхъ, волостныхъ, сельскихъ, оброчныхъ, выкупныхъ (часть Болдина на выкупъ) — доходить до 15 р. съ человека.

Тѣсь, для выдѣлки изъ него саней, скупается болдинскими крестьянами изъ дачь окрестныхъ помещиковъ, какъ своей, такъ и смежной симбирской губернии. На полозья идутъ дубъ и ясень; первый — 13 четвертей; затѣмъ на выдѣлку саней употребляются вязникъ и липа, слагами. Всего выдѣлывается въ Большомъ Болдинѣ и частію въ сосѣднихъ Маломъ Болдинѣ и Львовѣ, тысячъ до 4 запряжей (саней), вѣсомъ отъ 4 до 6 пудовъ въ каждой. Продаются болдинскія сани, частію на базарахъ сосѣднихъ селъ Абрамова, Бугурдина, Талызина (симбирской губернии) и Адашева*); но главнымъ образомъ болдинскія сани направляются, на волахъ, по 4 и по 5 саней на возу, въ Уральскъ и Гурьевъ, подъ оханный промыселъ, вынося гужевой илаты до 2 р. съ запряжи. Въ Уральскъ идутъ преимущественно барренныя шитыя сани, въ Гурьевъ — дровни. Движеніе саней изъ Болдина на востокъ особенно усиливается начиная съ Ивана Постнаго (29 августа) вплоть до масляницы; въ этотъ-же періодъ особенно увеличивается и производство ихъ, не прерывающееся однако круглый годъ. На нижегородскую ярмарку болдинскія сани вовсе не попадаютъ.

Какъ на характеристическое отличіе болдинскаго саннаго промысла слѣдуетъ указать на то, что въ Болдинѣ нѣтъ того повального явленія, которое замѣчается, напр. въ дѣломъ околудѣ семеновскаго уѣзда, извѣстномъ подъ названіемъ Красной Рамени, по отношенію къ расковкѣ гвоздя или въ г. Макарьевѣ, по отношенію къ производству сундуковъ, гдѣ извѣстное число крупныхъ капиталистовъ раздають рабочимъ сырой матеріалъ на руки и получаютъ его обратно; въ видѣ издѣлій, давая за это произвольно низкую плату, притомъ главнымъ образомъ (въ Красной

* По базару въ Адашевѣ болдинскія сани извѣстны въ Нижнемъ-Новгородѣ подъ названіемъ адашевскихъ, хотя въ Адашевѣ сани никогда не выдѣлываются; адашевскими впрочемъ называются въ Нижнемъ вообще простыя чю лыя сани, въ отличіе отъ такъ назыв. городскихъ, съ полозьями, хотя бы они никогда не выдѣлали ни Болдина, ни Адашева.

Рамена) патурой, въ видѣ муки, солонины и даже лаптей. Въ Болдинѣ такого общаго факта нѣтъ: здѣсь каждый работаетъ самъ на себя, съ своимъ семействомъ; каждый покупаетъ лѣсу на сколько силъ хватить и «одолвываетъ» то или другое количество санией въ годъ, смотря по своимъ средствамъ. Но и здѣсь не обходится безъ зависимыхъ влохнѣ отъ болѣе крупныхъ хозяевъ наемныхъ рабочихъ: кто побогаче — нанимаетъ такихъ рабочихъ и съ помощію ихъ выдѣлываетъ до 200 запряжей въ годъ. Затѣмъ нужно замѣтить, что и при такихъ порядкахъ, вовсе безъ скупщиковъ и въ Болдинѣ дѣло не обходится, хотя на ихъ операціяхъ санный промыселъ здѣсь и не исключительно построенъ: сами ѣздить изъ Болдина въ Уральскъ и Гурьевъ только два производителя; всѣ остальные сношенія Болдина съ Уральскомъ, Гурьевымъ, соѣдиняя селами Абрамовымъ, Вутурлинымъ, Адашевымъ и Талызинымъ производится преимущественно посредствомъ скупщиковъ, которые уже, въ свою очередь, имѣютъ дѣло съ извозчиками. Итакъ главное отличие болдинскаго промысла отъ красноарамскаго — то, что въ Болдинѣ скупщики не сами раздаютъ лѣсъ для полученія его въ видѣ саней, а просто покупаютъ ихъ уже готовыми. Отличие, нужно признаться, болѣе вышнее, отъ существованія котораго болдинскіе саники чувствуютъ себя не лучше красноарамскихъ гвозденниковъ.

Отъ Болдинскія сани бываютъ нѣсколькихъ сортовъ. Нисшая цѣна имъ на мѣстѣ — 75 к., высшая — 2 р. за сани. На заказъ, для такъ назыв. «господской» ѣзды, работаютъ сани и за болѣе высокую цѣну, но этотъ дорогой товаръ производится въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Названія болдинскихъ саней слѣдующія: простыя дровни, багренины, кресла.

Рабочая плата за выдѣлку саней колеблется, смотря по сортамъ, отъ 15 до 40 к.; послѣдняя плата существуетъ однако лишь осенью, въ самое горячее время работы, по случаю усиленной отправки саней изъ Болдина. Одинъ рабочий поснѣваетъ сдѣлать въ сутки одни дровни; на выдѣлку багрениныхъ саней однимъ рабочимъ требуется не менѣе 1 1/2 сутокъ.

Кромѣ саней въ Болдинѣ дѣлаютъ ободья (становъ до 100),

колеса и телеги, но въ самомъ незначительномъ количествѣ, преимущественно для мѣстнаго употребленія.

Небольшая часть болдинскихъ крестьянъ занимается также производствомъ поташа (тысячъ до 3 пудовъ), сбываемого на нижегородской ярмаркѣ.

Въ сумерки выѣхалъ я изъ Болдина, прогнанный съ охотно удѣлившими мнѣ часа полтора изъ своего дорогого времени болдинскими санниками.

Вскорѣ показалось имѣніе князя Кочубея село Новая Слобода, съ красивыми барскими постройками, съ своими тремя заводами: винокуреннымъ (до 140,000 ведеръ спирта на полугаръ годового производства), сыровареннымъ (до 1000 пудовъ швейцарскаго сыра и до 100 пудовъ коровьяго масла) и поташнымъ (до 300 пудовъ). Въ настоящее время новослободская жизнь идетъ тихо, не знаетъ себѣ здѣсь устали одна трудовая работа, а было время, лѣтъ 20 тому назадъ, когда въ Новую Слободу набѣжали весь цвѣтъ окрестныхъ лукояновскихъ и иныхъ сливокъ: жившій тогда въ селѣ докторъ Саломонъ открылъ въ немъ источники, богатые желѣзомъ, помѣщикъ управление устроило ванны, вокзалъ; раздавались хоры музыки, пары сливокъ кружились въ вихрѣ танцевъ.... Но внезапная смерть г. Саломона все съ собою унесла и теперь почти никто и не знаетъ о минеральномъ богатствѣ Новой Слободы *).

За новослободскими, преимущественно, черноземными землями, потянулась длинная и широкая полоса суглинки, пополамъ съ чистымъ пескомъ. Въмѣсто черноземной, лошади стали мѣсить такую же холодную грязь, менѣе грязную только потому, что къ колесамъ липли частицы голаго песку. По сторонамъ видѣлись патыканные тамъ и сямъ, неизвѣстно зачѣмъ, безжизненные, тощія кустарники, ботаническое родословіе которыхъ мѣшала мнѣ раз-

*) Лукояновскій уѣздъ не единственный въ нижегородской губерніи, имѣющій минеральные источники; такъ изъ одного извѣстнаго мнѣ дѣла канцеляріи нижегородскаго губернатора видно, что въ селѣ Архангельскомъ (Побылинѣ), арзамаскаго уѣзда, также существуютъ минеральныя воды.

смотреть быстро наступившая ночная безлунная тьма... «Золотое дно» нижегородской губернии — лукояновский уезд — внушительно напоминало благодатныя песчанныя равнины семеновскаго Заволжья.

Тоскливо понуривъ головы, плелись лошади по лужамъ. Поднимался рѣзкій холодный ночной вѣтеръ; дорога шла колобомъ и вотъ задрезбужали и запрыгали бревна моста, перекинутаго черезъ Алатырь. Мы въехали въ большое, грязное, раскинувшееся безмѣрно во все четыре стороны село Кочкурово.

Посреди села, рядомъ съ деревянною разваливающеюся церковью, стоитъ фундаментъ строящейся новой, каменной, весьма грандіозныхъ размѣровъ.

— Богато, видно, мужики-то живутъ: вонъ какую хранину воздвигаютъ! замѣтилъ я, по своей всегдашней склонности залезать въ мужицкій карманъ.

— Ништо, богато! отвѣчалъ ямщикъ. Годовъ семь, а то и болѣе назадъ, горланы на сходѣ порѣшили церковь-то ставить; общество пятилось въ тѣ-поры, ну а порѣшило: ладно, говорить. Зачали строить, — вотъ и стоитъ адакаля-то ужъ годовъ пять: больше силы не хватаетъ. Такъ видно и еще годковъ 50 простоятъ.

Имѣя надобность въ кое-какихъ справкахъ, преимущественно адреснаго характера, я отдалъ первый визитъ свой на кочкуровской землѣ волостному правленію.

Въ нетопленной обширной комнатѣ волостнаго правленія, съ непритворяющеюся въ сѣни дверью, при тускломъ освѣщеніи салнаго огарка, сидѣлъ въ полушубкѣ и сверхъ него — тудупъ, волостной писарь и выводилъ своими пописывшими отъ холода пальцами буквы, слова и предложенія, своего сочиненія, которое онъ измыслилъ, «не мудрствуя лукаво», въ отвѣтъ на цѣлый десятокъ вопросовъ, заданныхъ волостному правленію свѣше, вопросовъ, для изслѣдованія которыхъ посылаютъ на мѣста нашего брата чуть не десятками. Въ углу, подъ образами, дремалъ волостной старшина, въ ожиданіи того момента, въ который писарь

ему прикажет приложить къ бумагѣ свою печать, по безграмотству. Волостной старшина, какъ оказалось однако въслѣдствіи изъ нашего разговора, былъ дѣльный и умный мужикъ, который не видя во мнѣ никакой власти, отнесся ко мнѣ чисто почеловѣчески, т. е. разговаривалъ и рассказывалъ безъ всякой задней мысли. Только волостной писарь, увидавъ изъ моихъ бумагъ, что я «дѣйствительный членъ статистическаго комитета», почему-то никакъ не могъ обойтись безъ «превосходительства», несмотря на мои послышныя разъясненія. Бесѣда наша, несмотря на холодъ въ комнатѣ, нѣсколько умѣренный однако самоваромъ, текла оживленно, и надѣясь получить въ волостномъ правленіи лишь нѣсколько адресовъ заранее рекомендованныхъ мнѣ двухъ-трехъ кочкуровскихъ крестьянъ, я приобрѣлъ отъ старшины и писаря весьма обстоятельныя указанія по интересовавшему меня предмету, вовсе не лишнхъ и притѣхъ, которыя я получилъ въ Кочкуровѣ отъ другихъ лицъ.

Село Кочкурово или иначе — Кочкари^{*)}, съ населеніемъ, простирающимся до 4000 человекъ обоаго пола, расположено по обоимъ берегамъ рѣки Алатыря. «Если мы посадимъ на песчаный островъ колонію и каждому члену ея отведемъ участокъ песку въ полное владѣніе, говорителъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ^{**}), то мы не создадимъ землевладѣльческаго сословія». Вотъ почему житель Кочкурова, раскинувшася посреди полей земли холоднаго песчакаго грунта, хотя и имѣетъ свой надѣлъ, есть тотъ-же пролетарій, «связанный съ призракомъ земельного владѣнія»^{***}). При такихъ условіяхъ, естественно, что народъ въ Кочкуровѣ хлѣбопашествомъ вовсе почти не занимается, по невозможности имъ заниматься, а дышетъ кое-какъ своимъ единственнымъ промысломъ — тканьемъ рогожъ и шитьемъ изъ нихъ кулъ, промысломъ, который особенно сталъ развиваться въ послѣдніе 6—7 лѣтъ, завися отъ усиленія оборотовъ тѣсно связанной съ нимъ моршанской пристани.

*) Въ лукояновскомъ уѣздѣ есть еще одно селеніе съ тѣмъ-же двойнымъ названіемъ Кочкурово или Кочкари. — мѣсто многолюдное; оно лежитъ при рѣкѣ Пелескѣ.

** «Вѣстникъ Европа», кн. 2, 1871.

***) Тамъ-же.

Собственно рогожи изъ Кочкурова почти не выходятъ, такъ какъ изъ нихъ тутъ-же, на мѣстѣ, шьется кулье, отправляемое тремя-четырьмя кочкуровскими капиталистами, въ числѣ которыхъ видную роль играютъ братья Самарины, въ Моршанскѣ, Елецѣ, Харьковѣ и частью въ Воротынецѣ (нижніе сорта) и въ Промзино *). О кочкуровскихъ капиталистахъ однако не слѣдуетъ составлять себѣ преувеличеннаго понятія: въ Кочкуровѣ считается капиталистомъ рогожникъ, выручающій, въ хорошей годъ, чистыхъ не болѣе 1000 рублей. На нижегородскую ярмарку и въ Лысково кочкуровское кулье почти вовсе не попадаетъ; туда идутъ, изъ недалекихъ отъ Кочкурова мѣстностей, преимущественно кистеневскія рогожи и кулье, изъ сергачекаго уѣзда. Кочкуровское кулье назначается только для хлѣба; рогожи — на покрывку набитаго уже хлѣбомъ кулья.

Границы такъ назыв. кочкуровскаго рогожнаго производства не заключаются только въ одномъ Кочкуровѣ; послѣднее представляетъ собою лишь центръ производства, распространеннаго также въ окрестныхъ селеніяхъ: Кендѣ, Сайтовкѣ, Пелѣ Казенной, Ильинскомъ, Пузѣ, Сыратинѣ, Усадѣ, Дивѣевѣ, Новоспаскомѣ, Наруксовѣ, Константиновѣ, Ризоватовѣ, Мадаевѣ, Березовкѣ, Новоалександровкѣ и въ г. Починкахъ. Всего кочкуровскимъ околоткомъ вырабатывается въ годъ до полутора милліона штукъ кулья **).

*) Въ Промзино прежде отправлялись изъ Кочкурова большія партии кулья, но въ послѣднее время оно стало производиться на мѣстѣ, въ Промзинѣ, и вытѣснило кочкуровское.

**) Относительно опредѣленія валовыхъ цифръ данаго производства я всегда руководствуюсь слѣдующимъ правиломъ: заносить показанія о нихъ въ печать я рѣшаюсь не иначе, какъ провѣривъ ихъ возможно большее число разъ, притомъ посредствомъ нѣсколькихъ источниковъ, что, при известной долѣ терпѣнія, сдѣлать вовсе не такъ трудно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Такъ напр. показанія, собранныя о торговлѣ на константиновскомъ базарѣ, въ нижегородскомъ уѣздѣ, очень удобно провѣрить показаніями, добытыми въ арзамаскомъ уѣздѣ въ селѣ Вадѣ и г. Арзамасѣ; торговлю г. Арзамаса или размѣры того или другаго производства въ немъ также можно провѣрить въ Константиновѣ, Вадѣ и Починкахъ, Починки контролируются Горбатовымъ, горбатовскимъ уѣздомъ и Арзамасомъ; Мурашкино — Спасскимъ, Лысковымъ, маровской ярмаркой; семеновскія деревняшныя издѣлія — нуреховскими и

одинаковы, и потому, говоря о нихъ по отношенію къ Кочкурову, можно разумѣть здѣсь и любое другое селеніе, занимающееся тѣмъ-же дѣломъ.

Мочало для тканья рогожь набирается изъ округа — луго-яновскаго и сергачекаго уѣздовъ и частью изъ смежныхъ уѣздовъ пензенской губерніи. Снимается мочало обыкновенно съ іюня; тканье рогожь начинается съ октября и продолжается до апрѣля; съ апрѣля до октября занимаются кое-какъ хлѣбопашествомъ, но большой промежутокъ этого времени падаеть все таки, какъ сказано, на съемку мочала. Рабочіе получаютъ мочало отъ капиталистовъ, которые его покупаютъ въ окрестности изъ владѣльческихъ и казенныхъ дачъ или сами арендуютъ дачи для съемки мочала и въ послѣднемъ случаѣ оно имъ обходится, конечно, дешевле. Пудъ покупного мочала осенью прошлаго года стоилъ 70 к.; на сотню перваго сорта рогожь идетъ мочала 12 пудовъ, средняго 10 пудовъ и нишаго 7 пудовъ; столько-же его идетъ и на кулье, такъ какъ разниця въ вѣсѣ ничтожная, завися лишь отъ нитокъ. При съемкѣ мочала съ арендуемыхъ дачъ, оно приходится капиталисту отъ 40 до 50 к. за пудъ и въ такомъ случаѣ онъ наживаетъ съ сотни кулей отъ 1 р. 50 к. до 2 р. и до 2 р. 50 к.; но въ этотъ счетъ впрочемъ нужно класть и расходы по перевозкѣ кулья на мѣста его продажи.

Сорта рогожнаго товара, выдѣлываемаго въ Кочкуровѣ, раз-
торговлей ими въ Нижнеж-Новгородѣ; каждое производство, имѣющее связь съ нижегородской ярмаркой можно усчитать на самой ярмаркѣ и т. д., и т. д. Точно также и разбѣры кочкуровскаго производства можно провѣрить не только перекрестными разпросами у разныхъ лицъ въ самомъ Кочкуровѣ и его округѣ, но и разпросами въ Кистеневѣ или даже Болдинѣ, которымъ очень хорошо известны кочкуровскія дѣла. Эта возможность провѣрки вытекаетъ изъ того, что каждый рядъ экономическихъ явленій большею частью стоитъ не особнякомъ, а тѣсно связанъ съ другимъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ просомъ географическомъ отношеніяхъ. Конечно и при такомъ собраніи данныхъ можно впасть въ ошибку; случается, при большой разборчивости, или, съ другой стороны, при крайней скудости показаній, отдавать преимущество свѣдѣніямъ отъ того одного лица, которое возбуждаетъ къ себѣ наибольшее личное довѣріе; но какъ-бы то нибыло, тщательно провѣренныя валовыя цифры, и не подчиняющіяся статистической регистраціи, имѣютъ свое неоспоримое достоинство. Само собою разумѣется, что въ число лицъ, дававшихъ мнѣ показанія, я не включаю представителей полиціи.

личаются по своей добротѣ, и называются первымъ, вторымъ или среднимъ и третьимъ. Цѣна имъ слѣдующая: первого — отъ 10 до 12 р., второго отъ 8 до 10 и также до 12 р., третьяго — отъ 6 до 8 р. за сотню; цѣны эти впрочемъ много зависятъ и отъ того или другого требованія на куле, смотря по урожаю хлѣба и степени оживленія преимущественно моршальской пристани. Разиѣръ-же требованія на куле вліяетъ и на плату рабочимъ, которая, стоя обыкновенно на 5 р. съ сотни сотканыхъ рогожъ, доходитъ иногда, при больномъ требованіи, до 5 р. 50 к. и даже до 6 р., что впрочемъ бываетъ край. рѣдко, такъ какъ послѣдствія отъ усиленнаго спроса отражаются главнымъ образомъ на цѣнѣ товара, разница въ которой, остававшаяся въ рукахъ капиталистовъ, почти никогда не переходитъ на плату рабочимъ, которые ощущаютъ на себѣ лишь разницу отъ пониженія платы, какъ это увидимъ ниже.

За шитье кулей изъ рогожъ платится рабочимъ капиталистами (на нѣкоторыхъ изъ нихъ работаетъ до 300 становъ) по 50 к. съ сотни кулей, 9-ти пудового вѣса, т. е. сотни кулей, вмѣщающихъ въ себѣ обыкновенно, въ каждомъ, по 9 пудовъ хлѣба.

Шесть человѣкъ хорошихъ рабочихъ могутъ сработать въ недѣлю только одну сотню рогожъ; двое такихъ-же хорошихъ рабочихъ сошьютъ изъ нихъ сотню кулей въ сутки. Тканье рогожъ производится большею частью 6-ю человѣками: трое изъ нихъ работаютъ, и трое отдыхаютъ; при этомъ занятія ихъ распределяются такъ, что на сонъ каждому изъ 6-ти рабочихъ, особенно въ жаркую пору работы, выпадаетъ не болѣе 3 часовъ въ сутки. Всю ночь Кочкурово горитъ огнями, потому что когда одна сѣмья ложится спать (въ 1-омъ часу ночи), другая встаетъ. Освѣщаются избы березовой лучиной. Въ 8 часовъ утра всѣ вмѣстѣ завтракаютъ; во 2-омъ обѣдаютъ, въ 10-омъ ужинаютъ; во время завтрака, обѣда и ужина вовсе не отдыхаютъ въ Кочкуровѣ: ѣдятъ между дѣломъ, въ теропняхъ. Работу съ мужчинами раздѣляютъ женщины и дѣти, послѣднія начиная обыкновенно съ 6-тилѣтняго возраста. Этихъ несчастныхъ ребятинекъ поднимаютъ на работу

отъ сна силой, потому что сами они еще не въ состояніи сообразить всей ея необходимости и всѣхъ неотразимыхъ послѣдствій отъ каждаго пропущеннаго часа; только самый нѣжный и сердобольный отецъ поднимаетъ своихъ ребятъ какимъ нибудь часомъ позднѣе, т. е. часа въ 2 ночи. Проработавъ такимъ образомъ недѣлю, 6 человѣкъ хорошихъ рабочихъ выручаютъ отъ тѣзни рогожъ, какъ сказано, около 5 р.; но эта плата относится лишь къ вышему ихъ сорту; низшіи и средніи оплачиваются всего 2 р., съ сотни; слѣдовательно, нужно положить средней цифрой недѣльной заработной платы около 3 р., и потому на каждаго рабочаго, въ недѣлю, придется около 50 к. с.

Выручая эту ничтожную плату за свой невыносимый нескончаемый трудъ, съ помощью своихъ женъ, взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей, кочкуровскій рабочій считаетъ свое положеніе еще своснымъ, когда имѣетъ возможность получить и этотъ скудный заработокъ, такъ какъ онъ бываетъ еще меньше: въ 1869 году мочало подорожало, капиталисты понизили плату за работу и дѣло дошло до того, что всѣ платежи, какъ подушные, такъ и оброчные и др., прекратились, — конечно не въ одномъ Кочкуровѣ, но во всей рогожной округѣ.... На Западѣ, гдѣ заработная плата обыкновенно выше нашей не только вдвое, но часто въ-пятеро, всего больше жалобъ раздается въ пользу городского рабочаго населенія. У насъ никто не споритъ, хотя слишкомъ громко, болѣею частью, и не говоритъ, о невыносимомъ положеніи фабричнаго рабочаго. Но припомнивъ бытъ павловскаго мастерового и сравнивъ его съ бытомъ кочкуровскаго крестьянина — а послѣдній имѣетъ хоть какую нибудь землю, тогда какъ павловецъ ея вовсе не имѣетъ — приходимъ къ самому неожиданному выводу, — что въ Кочкуровѣ, съ его земельнымъ надѣломъ, живется еще хуже, чѣмъ въ безземельномъ Павловѣ. Пойдемъ еще далѣе: въ лужояновскомъ же уездѣ есть село Василевъ Майданъ, и крестьяне его, какъ я самъ отъ нихъ слышалъ, занимающіеся исключительно земледѣліемъ, неимѣющіе никакихъ постороннихъ заработковъ, завидуютъ кочкуровскимъ!... Зависть ихъ становится еще жгучѣе, при воспоминаніи, что и имъ, гдѣ 20—25 тому назадъ, жи-

лось получше: тогда чрезъ ихъ село, по саратовскому тракту, шолъ оживленный проѣздъ, особенно во время нижегородской ярмарки, когда гурьбами проѣзжали здѣсь кавказскіе армяне и персіане; съ развитіемъ пароходства на Волгѣ Василевъ Майдацъ лишился своего заработка.

Посѣтивъ, осенью прошлаго года, почти все болѣе или менѣе выдающіеся пункты нижегородской губерніи, я, признаюсь, остался подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями. Вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчалась мнѣ нищета самая тягостная, соединенная съ убійственнымъ трудомъ, разстраивающимъ даже привычныя къ нему съ малолѣтства силы, такъ какъ невыносящія его организационныя графы тѣхъ 30—40 тысячъ дѣтей, которыя ежегодно умираютъ въ нижегородской губерніи, нищеты, которая не называется этимъ именемъ лишь потому, что не протягиваетъ руки за подаліемъ всякому проходящему, но которая обращается къ этому единственному способу существованія тотчасъ-же, какъ постигнетъ трудового человѣка какой нибудь экстраординарный непрощенный гость, въ видѣ, напр., пожара. Зачастую въ мѣстахъ, исключительно занимающихся хлѣбопашествомъ, положеніе дѣлъ еще хуже, чѣмъ въ откровенно-безземельныхъ, въ пику людямъ, восторгающимся прелестями патріархальнаго состоянія и фыркающимъ на гнилой Западъ, съ его пролетаріатомъ, Интернационалемъ и рабочимъ вопросомъ, котораго яко-бы у насъ вовсе не существуетъ. Положеніе дѣлъ въ чисто-земледѣльческихъ мѣстностяхъ хуже, по моему мнѣнію, еще и потому, что здѣсь нерѣдко является отсутствіе самаго сознанія о невыносимости его, довольно яснаго и опредѣленнаго въ представителяхъ чисто-промышленныхъ округовъ, напр. въ павловскомъ или краснораменскомъ рабочихъ, очень хорошо понимающихъ свое положеніе, причины его и возможные послѣдствія. Но не смотря на это сознаніе и въ промышленныхъ, какъ въ земледѣльческихъ округахъ, общою нивелирующею линіею бросается въ глаза огульное невѣжество, соединенное при

томъ — и это еще обидѣе, конечно, лишь въ данный моментъ, такъ какъ въ будущемъ это задатокъ лучшей жизни — съ природнымъ умомъ и дарованіями. Но какова-бы нибыла будущность забитого нуждой и невѣжествомъ нашего пролетарія-собственника, теперь, по выраженію поэта,

Въ трудъ проходить жизнь его
И не приноситъ ничего;
Проходить тускло.... Послѣ тѣло
Кладутъ, какъ вегощь, въ темный гробъ;
Надъ нимъ бормочетъ пьяный понъ,
Да бабы вопить....

А еще высказывается желаніе привлечь дырявый карманъ нашего крестьянина къ посторонней помощи: крестьянину обязательно предлагаютъ poradъсь объ улучшеніи быта духовенства.... Вотъ что по этому поводу сказалъ мнѣ одинъ толковый и добросовѣтный сельскій священникъ: «на предложенія улучшить нашъ бытъ, въ сравненіи съ ихъ собственнымъ, черезъ-чуръ хорошъ, и потому улучшать его нечего; какъ намъ ни жутко становится, а нужно сознаться, что отвѣтъ этотъ до-нельзя справедливъ, потому что мы все таки отъ крестьянъ-же получаемъ отъишной хлѣбъ или къ нимъ-же идемъ со сбромъ хлѣба, не говоря о требахъ».

Тяжесть впечатлѣнія отъ осенней поѣздки моей усиливалась еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что неприглядность положенія царить не въ одномъ крестьянскомъ мірѣ. Стоитъ поговорить полчаса съ любимымъ школьнымъ учителемъ, съ любимымъ толковымъ сельскимъ жителемъ, и не-крестьяниномъ, чтобы передъ вами предстала, во всей наготѣ своей, картина ихъ одинокаго безпомощнаго быта. Не менѣе жалобъ слышится и изъ среды крупнаго землевладѣнія, купно съ чиновничествомъ; но эти жалобы, исходящія, болшею частью, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, изъ сожалѣній объ утраченной возможности всяческихъ излишествъ и почти безграничной власти, конечно всего менѣе способны возбудить къ себѣ сочувствіе....

Остается утѣшать себя почти тѣмъ-же, чѣмъ утѣшаютъ себя кочкуровскіе рогожники, сдабривающіе свою жизнь существованіемъ зависти къ нимъ со стороны василево-майданскихъ землепашцевъ, т. е. утѣшать себя тѣмъ, что было время, когда жилое трудовымъ массамъ и еще хуже, когда къ всевозможнымъ матеріальнымъ бѣдствіямъ, присоединялись еще горшія личныя, отъ стегавшаго повсюду произвола помѣщичьей власти...

Какъ ни разочарованъ современный человѣкъ, наблюдающій жизнь у ея источниковъ, въ своихъ недавнихъ увлеченіяхъ, однако строгое и безпристрастное изученіе нашего экономическаго состоянія, въ возможно большихъ размѣрахъ проявленій его, говоритъ, что извѣстный шагъ, хотя и шагъ средневѣкового пилигрима, сдѣланный

Довольно заниматься сентиментальной филантропіей, и проливать поэтическія слезы, любясь преимущественно надъ такимъ собственнымъ проливаніемъ слезъ; довольно пробавляться мыслями сѣтованіями о бѣдныхъ пейзажахъ, имѣющими своимъ происхожденіемъ большую часть привычки барства, лѣнь и отсутствіе положительныхъ занятій, — когда вся задача тепершняго человѣка, помимо даже всякихъ идей объ абсолютной справедливости, заключается въ истинномъ пониманіи причинъ роста государства, его практическихъ цѣлей, а слѣдовательно и въ настойчивомъ стремленіи къ тому, чтобы не успокоиваться на пройденномъ шагѣ, а упорно идти впередъ, не малодушно обходя препятствія, а безъ оглядки разбивая ихъ, не убаюкивая себя ложными видѣніями розоваго цвѣта, а ставя современное зло на видъ, не скрывая его ни отъ себя, ни отъ другихъ, для того, чтобы имѣть возможность бороться съ нимъ.

А. С. Гацекій.